

058

ПОЦЕЛУЙ

ЭМИ ЭНДРЮС

Жаркие ночи

HARLEQUIN

KISS

Эми Эндрюс
Жаркие ночи

Серия «Поцелуй – Harlequin», книга 58

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11644412

Жаркие ночи: роман / Пер. с англ. Е.А. Дорониной: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05960-4

Аннотация

Люк и Клаудия выросли вместе – на берегу океана, в роскошных номерах старомодного отеля «Ночи Тропиканы», владельцами которого являются их родители. Решив отойти от дел, они поручают управление курортом детям, которых мечтают поженить. Честолюбивый красавец Люк в поисках славы уезжает в Лондон. Клаудия, вынужденная управлять курортом в одиночку, уже не надеется на его возвращение. Внезапно налетевший ураган разрушает «Ночи Тропиканы». Узнав о беде, Люк возвращается в родные места, чтобы помочь Клаудии справиться с последствиями разбушевавшейся стихии. Внезапная, как ураган, любовь бросает их в объятия друг друга, и ночи в «Тропикане» наполняются жаркими поцелуями.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эми Эндрюс

Жаркие ночи

The Heat Of The Night Copyright © 2014 by Amy Andrews
«Жаркие ночи» © ЗАО «Издательство Центрполиграф»,

2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Глава 1

Никогда еще Люк Харгривс не видел столь жуткой картины. Вырванные с корнем деревья среди развалин домов, снеженных тайфуном. Опасные обрывки электрических проводов и осколки стекла. В поместье в пять акров, где уже сорок лет размещался курорт «Ночи Тропиканы», уцелело только одно из дюжины зданий.

– Матерь божья! Курорт уже не восстановить.

Слушая нежный шелест волн, целующих изогнутый полумесяцем пляж, опоясывающий это идиллическое для туристов место, трудно было поверить, что причина разгрома – ненастье. Легкий бриз обернулся ураганом, безоблачное небо Квинсленда грозно почернело, разгневанный океан обрушился на берег.

Конечно, ураганы и раньше регулярно бушевали на побережье с ноября по март. Циклоны – одно из бедствий, омрачающих жизнь северного побережья Австралии. Курорт не раз страдал от них. Но подобных ураганов еще не случилось.

Этот оказался настоящим монстром. Сильно пострадала Лунная бухта.

Десятилетие, проведенное в Великобритании, смягчило отношение Люка к тропическим ураганам, теперь же, глядя на разрушения, он радовался, что никто не пострадал.

Спасибо Клаудии.

Люк перевел взгляд от разоренного курорта к фигуре, скорбно стоящей спиной к океану, прикидывая размер ущерба. Эйвери говорила, что Клаудия спокойно отнеслась к потерям. Но он слишком хорошо знал ее. Безнадежное отчаяние видно даже отсюда.

Несмотря на прошедшие годы, она для него навсегда осталась худенькой шестилетней девочкой со светлыми хвостиками и ободранными коленками. Было в ней что-то неуловимо целомудренное.

Она хмурила брови, словно мысленно произносила заклинания, пытаясь улучшить положение.

Не такого развития событий он ожидал.

Он сбросил ботинки и носки, оставил их на поваленном стволе пальмы, ставшем границей между пляжем и помещением или тем, что от него осталось.

Столь же безрадостно выглядела любимая всеми пальмовая аллея на бульваре вдоль Лунной бухты, огибавшей длинный полукруг пляжа. Деревья, вырванные с корнем, валялись на земле в беспорядке, будто сгоревшие спички. Понадобятся годы, чтобы восстановить былую славу курорта.

Жаркое солнце палило Люку в шею совсем не так, как в прохладном Лондоне. Он сбросил и пиджак, расстегнул запонки и засучил рукава рубашки, отключил телефон и убрал его в задний карман. Не хотел, чтобы его беспокоили, он и так получил уже три эсэмэски из офиса. Вздохнув, пошел к женщине, которую знал всю жизнь. Мелкий песок поскри-

пывал под ногами.

Клаудия с безнадежностью смотрела на обломки, не давая воли слезам, заполнившим глаза. Слезы для слабаков, а она не из таких. Она многие годы занималась курортом, и то, что он сейчас разрушен, – не повод заламывать руки в истерике.

Чтобы успокоиться, она вцепилась в планшет. Они все восстановят. Они должны это сделать.

«Но как?» – вопрошал голосок где-то в глубине сознания – его не мог заглушить даже шум работающих вдали генераторов, постоянно гудевших в эти дни. Тот же голосок она слышала всякий раз, ступая на пляж и сталкиваясь с ужасом от разрушений единственного в ее жизни дома.

Ладно, для начала нужно заняться главным зданием, с которого все начиналось. Даже теперь среди разрушенных бунгало его белый отштукатуренный фасад сиял под ярким утренним солнцем, как маяк. Массивная каменная конструкция удивительным образом устояла с минимальными потерями после приступа ярости матушки-природы.

Клаудия понятия не имела, каким чудом.

А как выживали динозавры или «Белые слоны», – пришло на ум Люку. – Новейшие бунгало были построены по самым высоким противоштормовым стандартам.

Прошло четыре дня после того, как страшный ураган «Люк», оцененный в пять баллов, пронесся по побережью.

Снова набежали слезы, Клаудия прогнала их, намерева-

ьясь держаться, даже если это убьет ее. Держалась же она с тех пор, как Люк оставил ее управлять курортом одну, когда уважаемые родители передали детям ключи и доверили вести дело, которому отдали двадцать лет жизни.

Ее не запугает объемная задача, как не запугал ультиматум Люка – за год перестроить курорт.

Она проигнорировала его предупреждение о возможных угрозах. Тогда и угрозы-то никакой не было, она со всем справилась. Лето оказалось щедрым, деньги в банке были, и они с радостью открыли лучший в их жизни зимний сезон всего через десять месяцев.

И тут налетел этот ураган. Словно мало ей одного Люка. Пришел и унес все, что она когда-либо знала и любила.

– Черт побери, Клаудия. Ты никогда не справишься от этого.

Она вздрогнула. Пугающе знакомый голос перевернул все внутри, сердце забилося, дыхание и даже клеточный обмен замерли.

– Люк?

Она повернулась. Он стоял перед ней, высокий, худой, гладко выбритый. Так близко, что можно было дотронуться, привычно ощутить его глубокое дыхание.

Мальчишка, которого она боготворила как героя, подросток, в которого была страстно влюблена. Мужчина, который разочаровал, отказавшись от совместного наследства.

Ты никогда не справишься от этого.

Его слова, как дефибриллятор, ударили в грудь. Вдруг все встало на свои места. Сердце стукнулось о ребра, клетки вновь стали делиться с фантастической скоростью.

Ты никогда не оправшисься от этого.

Ну нет! Он, наверное, шутит. Классная шутка, но очень недобрая.

Стоит в отглаженной рубашке и брюках. На пляже. Торжествующий. Цунами эмоций, бушевавшее в душе Клаудии последние четыре дня, да что там, весь последний год, снова поднялось и потребовало выхода.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Люк, удивленный ее недоброжелательностью, широко открыл глаза. Ее обычно веселый голос звучал глухо и тускло. Он пожал плечами: «Я увидел по телевизору... Просто приехал».

Да, приехал. Как бы он ни отрицал, эти места по-прежнему притягивают его, хотя он и не мог внятно объяснить свое появление здесь. Убежав десять лет назад на другой край света, он погрузился в иную жизнь, переборол тягу к родным местам.

Клаудия прищурилась, услышав его объяснение, зашлась истерическим смехом. Если не смеяться, хлынут слезы. Не деликатные лондонские слезки, к которым он, без сомнения, привык, общаясь с шикарными, утонченными британками, а ураган под стать тому, который пронесся к северу от Квинсленда.

Будь она проклята, если заплачет перед Люком.

– Как ты добрался сюда? Дорога в обе стороны закрыта.

– Джона забрал меня на вертолете из аэропорта Кэрнса.

Клаудия смутно помнила, что слышала звук вертолета некоторое время назад, и молча проклинала Джону за несвоевременную услужливость. Она мысленно приказывала Эйвери отказать ему от секса в качестве наказания за братание с врагом. Да по отношению к ней Люк Харгривс – враг номер один.

Вряд ли Эйвери ее послушает, эти двое до тошноты любят друг друга.

– Ну, приехал, посмотрел. Можешь отчаливать. Здесь все чудесно.

Чудесно? Люк обозревал жуткие развалины, засунув руки в карманы.

– И не подумаю!

Она грубо фыркнула:

– Неужели? Разве не так ты обычно поступаешь?

– Думаю, я мог бы... – Люк обвел взглядом разрушенный курорт, – помочь.

– Помочь? – Даже ей показалось, что голос прозвучал слишком резко. – Теперь ты хочешь помочь?

– Клод. – Люк вздохнул. Она все еще обижается на него. Не удивительно. В прошлом году он не стал потакать родительской глупости, те решили уйти на покой и передать управление детям. – Я могу помочь все расчистить. Понадо-

бится принимать партнерские решения.

Гнев достиг предела Клаудии. *Партнерские решения?* Какого черта? Не думает ли он, что она так выбита из колеи и не понимает, что кроется за этими заявлениями?

Она выпрямилась во весь рост и уперлась руками в бедра.

– Думаешь, ты имеешь право командовать здесь?

И замолчала. От гнева и прочего негатива защекотало в носу и защипало в глазах. Чувства готовы были взорваться.

– Только... смести весь этот долбаный мусор... Ты потерял все права, когда ушел из «Тропиканы».

Люк пытался сохранять спокойствие, видя ее гнев. Клаудия выводила его из себя больше других женщин. Она всегда была паникершей, если дело касалось курорта. Обычно добрая и веселая – она превращалась в разъяренную медведицу, если ее драгоценной «Тропикане» что-то угрожало.

Он не вынимал руки из карманов, чтобы не поддаться искушению встряхнуть ее. Отчасти причиной этого разгрома было то, что она отказывалась слушать голос разума. Если бы они пошли по его пути и управляли курортом, как предлагал он, сколотили бы деньги на расширенной сети отелей и защитились финансово от столь громадного убытка.

Но нет, Клаудия хотела абсолютной независимости курорта. Управляла согласно родительским представлениям, сложившимся десятилетиями.

Он был слишком занят делами, личными и офисными. Путаницу внесла и бывшая жена. На курорт времени не оста-

валось. Однако разгром требовал решительных действий.

– Слушай, ты ведь это не всерьез?

Клаудия намек поняла, ненавидя Люка за то, что он имел на это право. *Ненавидела*. Ничего не поделаешь, его имя прописано в договоре о партнерстве, который родители заставили их подписать, и он имел такой же голос, как и она, просто не был заинтересован напоминать об этом до сегодняшнего дня.

Клаудия вздохнула, внезапно ощутив поражение.

– Послушай, я поняла, ты здесь из-за пресловутого чувства долга. Но правда, не стоит беспокоиться. Все просто чудесно. Возвращайся в Лондон. Я справлюсь.

Люк разрывался между желанием бросить ее в океан и обнять.

– Я остаюсь. У меня недельный отпуск. Помогу с расчисткой.

– Недельный? – уточнила она надрывистым, дрожащим голосом. – Вот это да, Люк! Спасибо, что выделил *семь паршивых дней* из твоей загруженной жизни, чтобы помочь бедной Клаудии.

Она с презрением покачала головой, борясь с искушением ударить его планшетом по голове и едва сдерживая слезы. Она не станет плакать!

– Взгляни сюда, – потребовала она, широко взмахнув рукой, – это можно убрать за неделю?

Люк сомневался, что возможно даже за месяц, однако рас-

считывал на то, что она проглотит эту приманку, а работа здесь сотрет из памяти воспоминания о потерях, вызванных тем, как глупо он доверился женщине, которую любил. Хотя он не мог позволить себе потратить много времени. Черт, он даже не мог позволить себе эти семь вшивых дней. И все-таки он был здесь.

– Давай не будем загадывать. Просто сделаем все возможное. – Он еле сдерживался.

Клаудия мрачно посмотрела на него:

– Не надо меня опекать. У меня наготове целая армия работников, которые хотят и могут помочь с расчисткой, когда будет оценен масштаб ущерба. Нам не нужны те, кому наплевать на «Тропикану».

Люк сжал кулаки в карманах. То, что он отказался работнически приклеиться к сорокалетнему «белому слону», весьма выгодному клиенту, не означает равнодушие.

– По-твоему, разгуливать с треклятым планшетом, в ужасной гавайской рубаше и синтетических штанах означает, что тебе не наплевать?

Клаудия поперхнулась от обиды. Эта форма принята с самого начала. Символ курорта, черт побери! Вспышка негодования осушила набежавшие слезы.

– Я на дежурстве, – проворчала она.

– На каком еще дежурстве? Здесь же никого нет, Клод.

И именно в этом, по мнению Люка, и заключалась ее проблема. Ей было двадцать семь лет, и, если не считать корот-

кой поездки с Эйвери за границу несколько лет назад, курорт был ее единственным занятием.

– Тебе не хватает ощущения полноты жизни, – пробормотал он.

– Мне нужно ощущение жизни? И я слышу это от человека, который пришел на пляж в дурацком костюме.

– Я вылетел первым же рейсом, как только смог, с работы прямо в Хитроу. Знаю, тебе трудно в это поверить, но в мире есть и другие люди, преданные своей работе, хотя в твоём случае можно говорить о маниакальном помешательстве.

– «Тропикана» – это не работа. Это наследство, – резко возразила Клаудия.

Люк покачал головой, в душе разгоралась буря от ее недоверия и безысходности. Боже, как бесит это ее упрямство!

– Это не наследство, а пережиток прошлого, его бросили все, кроме тебя. Ты не персонаж «Грязных танцев», Клод, а это не чудачества Келлермана, и Джонни Кастл¹ не прибежит и не потребует, чтобы тебя никто не загонял в угол.

Клод прищурилась. В области сердца занялась боль, словно он разбил, бросив в горячий белый песок, все, во что она верила. Да, она сентиментальна и романтична, убеждена, что на курорт есть спрос.

Она почувствовала себя маленькой, ничтожной, непонятой. Стало невыносимо жалко и себя, и его. Развод сделал

---

¹ Келлерман и Джонни Кастл – герои фильма «Грязные танцы» (1987) в исполнении Джека Уэстона и Патрика Суэйзи. (Ред.)

его циником.

Мысль о его браке стала последней каплей. Глаза замутились, давно сдерживаемые чувства высвободились, не спрашивая, хочет она того или нет. Одинокая слеза скатилась по щеке.

От досады Люк прикусил язык, он был зол, расстроен. Его слова прозвучали грубо и были неправильно поняты. Пряди ее светлых волос упали на поникшее лицо, промокнув слезинку и закрыв губы.

– Клаудия. – Он шагнул к ней.

Она покачала головой и вытянула вперед руку, отстраняясь от него, смахнула слезу, злясь на то, что он стал свидетелем ее слабости, а она предстала перед ним сентиментальной.

– Уезжай, Люк. – Она отвернулась и пошла прочь, не в силах переносить его ядовитое пренебрежение.

Люк смотрел ей вслед. Прямая спина, высоко поднятая голова, волосы, собранные в хвост, раскачиваются из стороны в сторону.

Все прошло неплохо. *Нет.*

Глава 2

Открылась стеклянная дверь, и в заваленный вещами холл вошла Клаудия с покрасневшими от слез глазами. Эйвери, Джона, Айсис и Сайрус подняли голову от стола администратора, который перенесли в мини-штаб. Джона вопросительно посмотрел на Эйвери.

– Клод? – позвала Эйвери.

Клаудия не остановилась и не ответила.

– Клаудия?

На этот раз она слегка замешкалась, прежде чем ответить: «Со мной все в порядке. Просто надо немного побыть одной». Клаудия направилась к широкой элегантной лестнице, достойной дворца махараджи.

Воцарилась тревожная тишина. Все четверо смотрели, как стремительно она поднимается в свой кабинет на верхнем этаже.

– Что это было? – спросил Сайрус, местный парень, работавший в «Тропикане» коридорным.

– Не знаю, – ответила Айсис, его сестра, администратор.

Брат с сестрой, рожденные родителями-хиппи, были очень похожи, оба с ярко-рыжими волосами и веснушками.

– Мне кажется, я знаю. – Эйвери сощурилась при появлении Люка.

Он взглянул на стол администратора. Люди в холле вы-

глядели совсем негостеприимно.

Он шел по великолепному мозаичному полу из плиток песочных оттенков, составлявших неповторимый узор, обходя роскошные ковры, уютные кресла и пальмы в горшках. Колоссальные бежевые колонны поднимались к потолку второго этажа, поддерживая куполообразный потолок, украшенный фреской с изображением полуночного небосвода с сияющими звездами.

В детстве он мог любоваться фреской бесконечно, теперь же она казалась еще одной реликвией прошлого.

– Люк Харгривс, – с упреком констатировала Эйвери, – это ты заставил Клод плакать?

Люк посмотрел на Джону, стоящего за спиной Эйвери и глазами подающего ему сигналы сейчас же уходить. Джона, как и Люк, знал: Эйвери – самый яростный защитник Клаудии.

– Боюсь, что я, – морщась, ответил он, приближаясь к столу.

К его удивлению, Эйвери пожала плечами:

– О, слава богу, ей нужно хорошенько выплакаться.

– Да, – согласилась Айсис, – она уже несколько дней твердит, что все чудесно.

– Чудесно, – повторил Сайрус, – как заезженная пластинка.

– Ну, – Люк пожал плечами, – миссия выполнена.

Он был рад, что группка расслабилась и уже не выгляде-

ла так, будто собиралась повесить, утопить или четвертовать его. Явно Клаудия смягчила их. Но это не снимает с него вины. Нельзя простить того, что он ей наговорил. Люк чувствовал себя подлецом.

Он хорошо помнил, как она боготворила его, и сейчас предпочел бы именно такое отношение. Правда, отказавшись оставить Великобританию и управлять курортом вместе с ней, он явно ощущал себя колоссом на глиняных ногах.

Люк посмотрел на лестницу, снова взглянул на группу за столом. Надо было идти извиняться.

– Думаю, я пойду посмотрю, как она. Извинюсь.

Эйвери покачала головой:

– Не стоит, будет только хуже.

Джона согласился:

– Тебе, парень, нужно дать ей время остыть.

Остыть? Будто это возможно в жуткой жаре, стоявшей в здании из-за отключения электричества, с помощью которого просторный холл превращался в блаженный рай. К новому приступу недовольства собой добавилась внезапно навалившаяся усталость.

Он чертовски страдал от смены часовых поясов после перелета, взмок как мышь в одежде не по погоде, но ему нужно уладить дело с Клаудией.

– Почему, пока мы летели, ты не сказал мне, что она настолько расклеилась? – спросил он Джону.

– Ничего она не расклеилась. – Эйвери встала на защиту

Клаудии.

– Не делай из меня дурака.

– Она работала день и ночь, как вол, организовывая здесь все, восстанавливая, что можно, чтобы, когда завтра отменят штормовое предупреждение, мы смогли бы начать расчистку. Я не говорю о том, что ей пришлось улаживать дела с двумя сотнями постояльцев, ожидавших в течение следующих нескольких недель. – Эйвери посмотрела на него. – Она помогала в городе и другим курортам. Она сильная, лидер. Она не расклеилась.

– Тогда почему она расплакалась?

Эйвери покачала головой:

– Она измучена, переживает и беспокоится. Не спала почти пять дней. Вся ее жизнь полетела к чертям и, может быть, не знаю точно, она думала, что ты единственный человек, который по-настоящему поймет ее отчаяние. Никто из нас не может до конца понять, насколько беда на курорте, который она так любит, ранила ее. Только ты, Люк. Ты это сделал, Люк? Ты пошел на пляж, сказал ей, что все понял?

Он игнорировал укор Эйвери, чувство вины вновь захватило его.

– Я спрашивал, как она, ты сказал, хорошо.

Джона кивнул:

– С ней все хорошо. *Чудесно*. Учитывая то, что все, сделанное ею для курорта за последний год, разлетелось вдребезги. Она работала, помогала всем нам. Но ее семья – это

ты, старик. Твое мнение всегда значило больше, чем чье-либо еще.

Люк нахмурил брови, расстроенный, что Джона прав. Он набросился на нее, обидел.

– Точно. Я лучше пойду и улажу все.

Эйвери остановила его:

– Я знаю, ты мужчина и все такое, в тебе заложено умение улаживать, но ей нужно просто побыть немного одной. Умный мужчина дал бы ей такую возможность. И может быть, после этого ей захочется, чтобы ты обнял ее.

Он кивнул.

– Дай ей время, старик. На твоём месте я бы не добавлял, ей и так досталось.

Хороший совет. Но ему невыносимо, что она наверху совсем одна и рыдает от того, что он наговорил ей. Клаудия никогда не была плаксой, живая, веселая, энергичная.

Как солнечный зайчик.

Он виноват, что она льет слезы.

Люк покачал головой:

– Нетушки, извините, не могу.

И ушел. Все следили за тем, как он поднимается к Клаудии.

Эйвери вздохнула:

– Думала, он умнее.

Джона обнял ее за плечо, прижал к груди.

– Даже умный мужчина может сглупить, если дело каса-

ется женщин.

Она улыбнулась и тоже обняла его.

– Это верно. Вы бываете довольно тупыми.

Джона хмыкнул и чмокнул ее в висок.

– Это плохо кончится, правда? – спросил Сайрус сестру, потрясенный, что кто-то может пойти против желания Клаудии.

Айсис кивнула:

– Ему конец.

Ноги сами привели Люка к двери номера «Копакабана» – люкса, где Клаудия жила с родителями с шести лет. Он и его родители жили рядом, в люксе «Тадж Махал». Прежде чем постучать, он засомневался: вдруг она тут больше не живет. Может, перебралась в более скромный номер, когда родители уехали.

Но мысли быстро улетучились. Клаудия Девис сентиментальна и вряд ли избежала ностальгии по дому ее детства. Или по виду с ее балкона.

Он постучал. Ответа не было.

Он снова постучал. Громче. Все равно ответа не было.

– Клод, я знаю, ты здесь. Открой.

Ответа не было.

– Я могу целый день стучать, – пригрозил он, несмотря на то что падал от усталости. – Я сяду здесь и буду ждать, когда ты выйдешь. Когда-то ты ведь все равно выйдешь. Могу про-

сидеть здесь целую неделю, тебе придется смириться с этим.

Никакого ответа. Дверь не открывалась. Люк вздохнул и, опираясь спиной о темную, крашенную под мрамор дверь, скользнул вниз. От усталости он не мог больше стоять. Несмотря на роскошь бизнес-класса, он почти не спал в самолете, беспокоился о курорте, о Клаудии.

Люк закрыл глаза и потер лицо руками, ощупывая пробиравшуюся щетину, хотя он успел наспех побриться в самолете. Обычно он был безупречно выбрит, и сейчас ему стало неприятно и хотелось немедленно что-то с этим сделать.

После душа. И после сна.

На самом деле его беспокоил весь его вид. Рукава небрежно засучены, три верхние пуговицы расстегнуты, дорогая деловая рубашка влажная от пота, а на босых ногах остались следы песка.

Люк гордился своей внешностью. Он считал, что она во многом помогает ему добиваться успеха. Если у вас вид профессионала, то клиенты охотнее расстанутся со своими деньгами.

Он снова постучал в дверь.

– Клод.

Никакого ответа.

Люк посмотрел на ноги и постучал большими пальцами ног друг о друга, чтобы стряхнуть песок. Приличная горстка блестящей пыли осела на толстый старый ковер с пальмами, украшавший коридор с незапамятных времен.

Ребенком, носясь по курорту, он всегда приносил на ногах песок, почти не обращая на это внимания, хотя мать вечно бранила его за то, что он оставляет следы. Жаль, этого уже не вернешь.

Как и все сегодня, песок на ковре вывел его из себя. И он наклонился собрать его. В кармане зазвонил телефон. Он стряхнул остатки песка и быстро ответил на сообщение.

Его внимание привлекла пара рабочих ботинок, он посмотрел вверх и увидел Джону с ключом. Да, у них в «Тропикане» все еще были старые добрые ключи.

– Это поможет, – объяснил Джона. – Если скажешь Эйвери, что это я дал его тебе, буду все отрицать.

Люк убрал телефон и взял ключ от «Тадж Махала».

– Спасибо.

Они давно дружили.

– Не напортачь здесь, – предупредил Джона перед уходом.

Люк пошел к следующей двери и вставил ключ в замок. Двадцать лет семьи Девис и Харгривс не только управляли курортом, но и жили по соседству.

Люк вошел в номер, как никогда обветшалый и запущенный. Знакомый запах старого ковра, накрахмаленного белья и освежителя воздуха с ароматом гибискуса напомнил ему детство. С возрастом он все больше ненавидел этот запах, по мере того как росло отчаянное желание увидеть большой мир, но сегодня он всколыхнул воспоминания.

Нужно отдохнуть.

Он взглянул на кровать королевского размера, покрытую цветастым покрывалом в гавайском стиле, и удивился желанию оставить Клаудию в покое, как она и просила, и предаться необходимому сейчас сну. Бесплезно доказывать ей что-то сейчас, когда мозг почти не работает! Но та ее единственная слеза, как в замедленной съемке, прокручивалась у него в голове. Он подавил желание отдохнуть и подошел к двери между номерами.

Давно забытое воспоминание помешало ему воспользоваться ключом. Когда родители управляли курортом, эта дверь никогда не запиралась. Она вообще обычно была распахнута настежь. Интуитивно он взялся за ручку, дверь открылась.

Перед ним на такой же огромной кровати лежала Клаудия, скорчившись и плача навзрыд так громко, что ему показалось: она даже не слышала, как открылась дверь.

Будто она оплакивала всю Австралию, и у нее это здорово получалось.

Новый приступ вины. Вот черт! Он нерешительно переступил порог комнаты. Он и так уже далеко зашел.

Занавески были раскрыты, балконные двери широко распахнуты, за ними открывается великолепный тропический вид. Он осторожно вошел, прохладный океанский бриз пощекотал его шею, освежая вспотевшую кожу.

– Клод?

Клаудия вздрогнула, когда глубокий, красивый голос на-

стиг ее в глубинах горя и вытащил за волосы, как утопающую. Она резко села, временно забыв о слезах.

– Боже, ты напугал меня до смерти!

Люк замер при виде опухшей от слез и растрепанной Кладии. Ее волосы выбились из прически, нос и щеки покраснели, перепачканные растекшейся тушью.

– Извини, не хотел тебя напугать.

– Кто тебе дал этот проклятый ключ? Нет, не отвечай, это Джона, не так ли? Чертов предатель.

Люк сделал маленький шаг вперед.

– Я просто хотел узнать, все ли у тебя в порядке.

– Ну и как я выгляжу, отлично? – резко поинтересовалась она.

Люк покачал головой. Она выглядела так, словно ее протащили сквозь живую изгородь. Злая, несчастная и уставшая. Проигравшая.

И именно это, наверное, поражало больше всего. У нее всегда стакан полон наполовину.

– Уходи.

Страх отступил, всплеск адреналина усилил неустойчивое эмоциональное состояние, от этого она чувствовала себя еще более подавленной и уязвимой. Горло перехватило от избытка чувств, горячая волна слез вновь хлынула из глаз. Она повалилась на кровать, поджав руки и ноги.

– Дай мне поплакать в тишине.

Люк боролся с желанием уйти и жадной остаться и хоть

как-то поддержать, хотя бы попытаться.

Победила жажда. Он закрыл глаза, посылая краткую молитву Вселенной о том, чтобы она не дала ему по ребрам, не ударила куда-нибудь ниже, обошел кровать с другой стороны и сел рядом.

Клаудия нахмурилась, почувствовав, что кровать промялась, обернулась и увидела, что Люк на четвереньках приближается к ней.

– Что ты делаешь?

– То, что, по мнению Эйвери, должен был сделать на пляже. Собираюсь тебя обнять.

Клаудия растерянно моргнула, грубо высморкалась.

– Если ты меня обнимешь, я расплачусь еще сильнее.

Люк засмеялся, услышав эту угрозу, и устроился рядом с ней, обняв за талию.

– Думаю, это необходимо.

У Клаудии перехватило дыхание, она отвела от него взгляд, посмотрев на дверь в противоположной стороне комнаты, спиной прислонившись к его широкой груди. Тепло его дыхания ощущалось на шее, легкая щекотка от небритой щеки вызывала сладостную дрожь.

Она закрыла глаза, сердце теперь сильно билось совсем по другой причине. Сколько жарких, лихорадочных снов именно об этом видела она в ранней юности. Мечтала вот так лежать с ним рядом. Без одежды.

Люк закрыл глаза, измученное тело блаженствовало, очу-

тившись в горизонтальном положении. Клаудия почувствовала, как он навалился на нее. Какое блаженство лежать рядом с ним!

А он уже ощущал, как сон затуманивает его сознание.

Сколько раз детьми они лежали в кроватях родителей, смотря любимый сериал Клаудии «Корабль любви», пока те заканчивали вечерние дела. Она всегда предлагала посмотреть что-нибудь, интересное ему, но Люку было все равно.

Сколько раз Тони, шеф-повар, служивший в «Тропикане» все сорок лет ее существования, лично приносил им свою фирменную гавайскую пиццу.

В последующие годы произошло много всего, и это установило между ними дистанцию. Он уехал далеко. Редко приезжал, потому что утверждался в жестоком мире бизнеса. Женился. И развелся. Отказался возвращаться, когда курорт отдали им. Он не разделял ее точки зрения на ведение дела.

Короче, он изменился.

А Клаудия все еще оставалась девчонкой, как всегда. Он почти не думал о ней эти десять лет, но, лежа сейчас рядом с ней, был весьма доволен, что она осталась прежней.

Только бы она не была такой тихой и неподвижной, натянутой, как тетива лука. Как бы он хотел найти правильные слова, чтобы ее успокоить. Казалось, с тех времен, когда они были близки и легко болтали обо всем, прошло миллион лет.

Он провел десятилетие в беспощадной рекламной игре, где мужчины и женщины одинаково беспощадно дрались за

заказы. В рекламном бизнесе нет места мягкости и эмоциям. Никто не посочувствует тебе, если ты потерял заказ, напротив, позлорадствует неудаче, завидев новые горизонты для себя.

Приобретенный опыт ему здесь не поможет. Не поможет успокоить горящую Клаудию.

– Было ужасно? – прошептал он.

Она застыла, казалось, его шепот пронзил тишину, как иерихонская труба. Она пыталась оставаться деятельной и организованной, смотреть вперед.

На ее лице отразился пережитый страх, и она была рада, что он лежал позади и не мог ее видеть. По щеке покатилась слеза, и она расслабленно прижалась к нему.

– Мне было так страшно, – сказала она, задыхаясь от вновь возникшего кома в горле, пытаясь успокоиться, но не могла, потому что он был рядом. – Я думала, нам ничего не угрожает, но... так грохотало. Ураган разрушил все. – Клаудия замолчала, задумавшись. Об этом жутко говорить вслух: – А если у меня не получится, я подведу всех?

Люк наконец понял подлинные истоки ее беспокойства. Клаудия всю жизнь старалась сделать всех вокруг счастливыми – родителей, местных жителей, которые экономически зависели от курорта и туристов, предпринимала все возможное для этого.

– Тише. – Люк крепче обнял ее и машинально поцеловал в шею. – Тише.

Как хорошо, что он здесь. Можно полежать рядом. *Совсем рядом.* На нее навалилась усталость оттого, что она так долго тянула все дела одна. Старалась устроить все как хотели родители и доказать ему, что это возможно. Сейчас, в момент необычайной слабости, его присутствие, объятия и возможность выплакаться стали тем, в чем она нуждалась больше всего.

Она плакала, пока не кончились слезы, и заснула.

Глава 3

Люк тоже спал. К несчастью, неглубоким, беспокойным сном после смены часовых поясов. Его все время посещали лихорадочные образы, виной ли тому полный хаос в биоритмах или то, что он обнимал женщину. Видение было трудно понять, невозможно удержать в памяти.

Он видел женщину в длинном прозрачном платье. Он преследовал ее, но она всякий раз оказывалась слишком далеко, чтобы поймать ее или просто разглядеть. Она смеялась, звонкий смех отдавался эхом во сне, каждый раз заставляя сердце биться сильнее. Когда он приближался к ней, она исчезала, как туман, снова появляясь вдали.

Под платьем ничего не было, обнаженная спина и изгиб бедер дразнили его, возбуждая. Хотелось схватить ее, поцеловать.

Он выгнулся от предчувствия и желания, запрокинул голову. Задышал чаще, засмеялся и побежал быстрее.

Клаудия проснулась в смятении. Волна возбуждения пронеслась по спине и бедрам, распалая желание. Она, прищурившись, попыталась сориентироваться, но глаза резало, будто от песка.

Что-то тяжелое навалилось на плечи и бедра. Жар настойчивой плоти упирался в ее ягодицы. Посмотрев на руку,

больше не обнимавшую ее, переместившуюся на грудь, она замерла.

Люк.

Он делал рукой круговые движения. Нежно и настойчиво, ее соски отвечали с явным воодушевлением, становясь все тверже и тверже.

Он лапал ее.

Сердце забилося сильнее, и этот звук эхом выстрела раздался в ушах.

Как давно он здесь?

Видимо, давно. У нее свело низ живота!

Она подняла голову и посмотрела назад. Он крепко спал, небрежно положив ногу на ее бедро и прижав к кровати. Его губы все еще прикасались к ее шее, бедра прижимались к ее бедрам так близко, как только возможно прижаться в одежде.

Она смотрела, как хмурится его лоб. Удивительно сексуально. Клаудия медленно и тяжело вздохнула, прогоняя волнительные мысли из головы.

Она не знала, как высвободить волосы, любое движение могло разбудить его, тогда он увидит, в какой сомнительной позе лежит, и что тогда будет с их отношениями, и без того довольно натянутыми...

Но беспокоилась она напрасно. Он не двигался, его тело также тяжело давило на нее, не давая шевельнуться, заключив в сонные оковы. Она не могла уйти.

Она отвернулась, медленно откинулась на подушку и закрыла глаза. Заставляя себя не думать о тяжести, навалившейся на нее. О диком танго гормонов. О постоянно тянущем ощущении внизу живота.

Какое-то время это было приятно. Так и должно быть, ведь она рядом с Люком. Он заботится о ней. Успокаивает. Защищает.

Любит.

Именно так было в ее подростковых фантазиях. В надежде, что он увидит в ней не просто сестру, которой у него никогда не было. В надежде, что поцелует ее, посмотрит как на женщину, затащит в постель.

Останется.

Он слегка пошевелился. Клаудия затаила дыхание – соприкосновение их тел дошло до нового предела. Грубость едва пробившейся щетины, царапающей шею, возбуждением отдавалась в сосках, заставляя их затвердеть.

Его рука сжималась в некоем подсознательном отклике, он явно еще глубоко спал. Глаза Клаудии закатились, когда соски свело от жаркого, жгучего желания. Она слегка откинулась назад, пытаясь унять боль между ногами.

О боже. Она судорожно вздохнула. Надо отодвинуться немедленно! И вообще, надо уходить.

Ее курорт объявлен зоной бедствия, Люк здесь всего лишь на неделю.

Правда, сейчас, казалось, все это не имело смысла.

Ей хотелось еще теснее придвинуться к нему, даже слегка потереться о него. Выгнуть спину, обхватить за шею, прижаться губами к его рту. Или, может быть, просто перевернуться и поцеловать его в губы. Попросить его еще разок обнять ее. Один раз. И все.

А потом зазвонил ее телефон.

Люк услышал звонок, и женщина во сне стала таять по мере того, как возвращалось сознание.

Он медленно просыпался, мозг все еще тонул в вязкой усталости. Солнечная комната казалась чужой и неизвестной, океан звуков, запах морской соли и яблоневого цвета были совершенно незнакомыми.

Он слегка пошевелился, с трудом выбираясь из суровых объятий сна. Куда подевались тяжелые темные гардины, уличный шум, запах кофе?

Под рукой чувствовалось что-то теплое. Женское. Он осторожно сжал чью-то нежную плоть.

Грудь *определенно* незнакомая. Последний раз он просыпался в постели с женой. Она мыла голову дорогим шампунем, пахнувшим как дизайнерские духи, а не как сладкое свежее яблоко.

Он отодвинулся, нога скользнула по бедру женщины, поспешившей отодвинуться.

– Клод?

Клаудия замерла на несколько секунд. Телефон, наигры-

вавший «Летние ночи» из «Бриолина»² навел ее на мысль, что звонит Эйвери. Подруга, вероятно, удивлялась, куда она могла подеваться.

Просто лежала в постели и позволяла Люку лапать меня во сне.

Ой-ой-ой!

Клаудия не ответила и даже не посмотрела в его сторону, подобрала телефон и, опираясь на его спину, с трудом встала с кровати.

– Привет, Эйвери, – сказала она весело.

Люк сел на кровати, уставившись в ее спину, вспоминая о груди, о жаре затвердевших сосков, прожегшем его ладонь.

Он еще не совсем проснулся, но полностью осознавал мучительное их возбуждение. Сильную эрекцию еле сдерживала молния на брюках. Он с отчаянием пытался подавить возбуждение, но бесполезно, она рядом, и не имело значения, повернулась к нему спиной или нет.

Он соскользнул с кровати, не обращая внимания на то, о чем говорят Клод и Эйвери. Необходимо свободное пространство, дистанция.

Чтобы успокоиться.

Подумать.

Мысленно себя отшлепать.

---

² Знаменитый бродвейский мюзикл о школьниках-подростках в Америке 1950-х гг., не сходит со сцены с 1972 г., занимая одно из первых мест по продолжительности сценической жизни и кассовым сборам.

Люк осторожно подошел к балконной двери и с облегчением шагнул сквозь занавеси на солнце, подавляя, как только мог, возбуждение. Резкий солнечный свет ослеплял, он зажмурился и прикрыл глаза руками.

Океан был таким же ровным и апатичным, медленно накатывая на песок. Люк несколько раз глубоко вдохнул соленый воздух, очищая легкие от лондонского смога и мечтая об очищении мозга.

Стереть воспоминания о Клаудии, теплой и мягкой, с твердыми, ждущими ласк сосками.

Он отвернулся от океана, слишком яркого для уставших глаз. И тут обрывки сна чарующе промелькнули где-то на периферии сознания. Эрекция усилилась.

Что делать?

Он покачал головой. Нет. Это нормальная мужская реакция на эротический сон. Клаудия просто оказалась не в том месте и не в то время.

Помилуй Господи, они же выросли как родные.

Она ему как младшая сестра. Все время ходила за ним по пятам. Делилась своими горестями и обидами. Иногда надоела, всегда была предана. У него никогда не было по отношению к ней никаких чувств, кроме братских.

Но жар в ладонях не такой уж братский. Возникали чертовски сексуальные воспоминания о ее мягкости и напряженности.

Интересно, почему они никогда не были вместе, не теря-

ли друг от друга голову, не влюблялись, как подростки? Конечно, когда он уехал, ей было всего шестнадцать, а ему уже двадцать один, но с тех пор прошло достаточно много времени.

Они целовались, приветствуя друг друга на Новый год, этакий быстрый целомудренный поцелуй в щечку.

– Мне пора идти. – Клаудия быстро вошла на балкон с деловым видом, заправляя блузу в ужасные брюки капри из полиэстера. Но Люка не проведешь. Она забыла, что он знает ее лучше, чем кто бы то ни было еще. Он видел: она не меньше его смущена всей этой неловкой ситуацией.

– Извини за то, что... произошло. – Люк знал: это единственный способ уладить эпизод в ее постели. Он всегда так решал проблемы. Напролом.

– О... не беспокойся об этом. – Клаудия смотрела на балконное ограждение и нервно поправляла локон, выбившийся на затылке. – Ничего не было.

– Нет, было, Клод. Я не собирался приставать к тебе во сне. Не думал, что совершенно перестану отдавать отчет в своих действиях, не понимал, что делаю, но не сбрасываю с себя ответственности, извини.

Клаудия быстро посмотрела на него из-под челки и энергично кивнула в ответ:

– Ладно. Да, хорошо. А теперь, как ты думаешь, мы можем больше об этом не говорить?

Люк засмеялся. Он стал забывать, какой милой и смешной

может быть Клаудия.

– Договорились. – Он протянул ей руку.

Она коротко и нервно улыбнулась в ответ, но крепко пожала руку. Он задержал ее руку чуть дольше, чем обычно.

– Почему мы никогда не...

Клаудия нахмурилась:

– Что?

– Почему мы никогда не занимались этим?

Клаудия, услышав этот неожиданный вопрос, вырвала у него руку. Теперь он такой опытный. Так отличается от мальчика, которого она знала. Даже манера говорить изменилась. Он говорит культурно, как англичанин. Голос приобрел глубину, которая обволакивала, как густая сметана.

Почему они никогда не были вместе? Он что, сошел с ума?

Потому что ты никогда этого не хотел, идиот.

Подумав об этом, Клаудия поняла: все не так просто. Было нечто намного большее. О чем никогда не говорилось, но она интуитивно чувствовала.

– Слишком сложно, – пожалала она плечами, – мы не могли даже влюбиться друг в друга, хотя и проводили вместе много времени. Потом каждый пошел своим путем, даже влюбленность не могла соединить нас, не так ли? Как и наши родители. Если бы что-то случилось...

Люк кивал.

Им пришлось бы выбирать, на чьей стороне быть. Это могло бы разрушить двадцатилетнюю дружбу, подкрепленную

общим бизнесом.

Кому как не ему знать, как легко рабочие отношения рассыпаются в пыль и какие последствия это может иметь. Он до сих пор расплачивался за свою доверчивость в отношениях. И поклялся больше не совать голову в пасть льва.

Клаудия пожала плечами:

– Мы не можем так поступить с ними. Это нечестно.

Она права. Дружба родителей – хорошая причина забыть, как тело Клаудии скользит по его телу, как здорово прикасаться к ее груди, как сладко быть с ней. Он закрыл глаза, прогоняя наваждение, даже руки задрожали. Он обернулся, схватился за перила и стал пристально рассматривать простирающийся перед ним вдали спокойный океан.

Черт. Наверное, это от смены часовых поясов.

Возьми себя в руки, старик.

Клаудия смирила взглядом его спину. Видимо, он больше не загорает. А раньше любил. Каждый день ходил с Джоной на серфе, загорал до черноты. И волосы у него были длинные и лохматые.

Она заставила себя вернуться к сегодняшнему дню.

– Мне пора идти. Я нужна Эйвери. Джона отвезет тебя в Кэрнс, если хочешь. Мне кажется, есть дневной рейс «Австралийских авиалиний» в Хитроу.

У Люка напряглись плечи. Он сосчитал до десяти, повернулся и посмотрел ей в лицо:

– Я не просто приехал неизвестно куда на недельку. Я на-

мерен помочь с расчисткой, насколько это в моих силах. Ты должна смириться с этим.

Клаудия несколько секунд смотрела на него. Она и забыла, каким настырным он мог быть. Но реальность такова, что она не могла безболезненно принять от него помощь.

– Отлично. Оставайся. Посмотри, справляюсь я или нет. Мне нужна любая физическая сила. Но ты будешь делать только то, что я скажу, понятно? Ты – физическая сила. Ясно?

Люк перестал гримасничать, глядя на Клаудию, изображавшую мисс Начальницу. Молча кивнул. К нему никогда не относились как к физической силе, это добавило новые штрихи к ее игре в начальницу. Она подозрительно прищурилась, слишком уж легко он сдался, но ничего не сказала, повернулась на каблуках и ушла.

Он не мог оторвать глаз от ее покачивающегося зада в этих ужасных капри. Кто бы мог подумать, что полиэстер может быть таким соблазнительным.

Глава 4

На следующий день отменили штормовое предупреждение, и они начали расчистку. Пять дней вся команда работала как проклятая, убирая горы мусора, оставшиеся после урагана. Подбирали, отбивали, грузили, выгружали и начинали сначала. Валились от изнеможения и боли во всем теле, все в синяках. Просыпались рано, и все сначала.

Слишком занятые работой, чтобы предаваться курортным развлечениям, отдыхать на пляже, заниматься серфингом после рабочей смены. Слишком занятые, чтобы засиживаться за полночь за долгими пьяными беседами, рыбачить на одном из катеров Джоны. Слишком занятые, чтобы задавать ненужные вопросы, тупо говорить десятки ненужных слов друг другу.

Когда она закрывала глаза, все запреты нарушались. Клаудия мечтала о том времени, когда все это закончится, и она прижмется к нему, обнимет за шею. Он поцелует ее, просунет руку ей под блузку.

Вот что случается, когда возникают несбыточные сексуальные фантазии. Они разрастались, погружаясь в темные глубины воображения до тех пор, пока она не засыпала от мечтаний.

Может, нужно было заняться этим, как он выразился. Давно бы стерли эти файлы из своих систем.

А теперь она вынуждена проводить долгие ночные часы, мечтая о дикой страсти с Люком.

Черт побери, какие же ночи длинные!

На шестой день Клаудия занималась делами внутри отеля, разрабатывая дальнейшие действия по восстановлению, думая, что еще сделать, организовать, кому звонить и что еще заказать.

Из-за стола администратора открывался отличный вид на бассейн, который Люк избрал полем деятельности на сегодня. Вообще-то она вносила его в список работ Сайруса, но Люк взял бассейн на себя.

Совсем забыв о работе, Клаудия, прижав к груди неизменный планшет, наблюдала за тем, как Люк разбирал завалы мусора в когда-то сверкающей чистотой воде большого курортного бассейна, извивавшегося вокруг главного здания. Он стоял на краю и вылавливал мусор большой сетью: от листы до обломков домов и мириады погибших насекомых.

Мобильного телефона не было видно, хотя всю неделю он носил его, как приклеенный, на бедре. Принимая телефонные звонки из Лондона в любое время дня и ночи, он опускал инструменты, которые в это время были у него в руках, не обращая внимания на то, было ли дело побеспокоившего его человека настолько срочным, чтобы отрываться от «отдыха» во время недельного отпуска, затем продолжал начатое.

Нет, телефона не видно, он вошел в бассейн, держа в ру-

ках только промышленный пылесос.

В одних шортах для серфинга и пляжных туфлях, защищающих его от осколков стекла, которые могут оказаться на дне бассейна.

Клаудия, которая сама носила защитную каску, была рада видеть, что Люк предпринял меры предосторожности. Но это не повод так глазеть на него.

Нет.

Все дело, наверное, в том, что капли воды на его руках и груди сверкают так умопомрачительно. Полуденное солнце освещало его, отсвечивало в каплях, и он буквально ослеплял ее.

Она вздохнула. Он, слой за слоем, сметал ил и песок со дна бассейна, поигрывая мышцами.

– Эй!

Клаудия чуть не подпрыгнула, когда рядом раздался голос Эйвери.

– Ты что так подкрадываешься?

Эйвери нахмурилась:

– Что не так?

– Ничего.

Но было уже поздно. Эйвери повернулась посмотреть, что так привлекло внимание Клаудии.

– Ну, ну, ну, – поддразнила она. – Любуешься на этого обалденного мужика, мисс Клод?

Клаудия отвела глаза.

– Просто проверяла, надел ли он подходящую обувь. Можно пораниться, – соврала она.

Эйвери ухмыльнулась:

– Угу.

Клаудия уперла руки в боки:

– Что, черт побери, это значит?

Эйвери повела плечами, как ретрозвезда из голливудского фильма:

– Ничего. Думаю, это здорово, что ты не можешь отвести глаз от Капитана Сексуальные трусы.

Клаудия удивленно заморгала. Только Эйвери могла придумать такое фантастическое прозвище.

– Капитан Сексуальные трусы? Если ты, Эйвери Шоу, влюблена, это не значит, что остальной мир озабочен тем же.

– Угу.

У Эйвери в глазах появилось знакомое мечтательное выражение, почти постоянно светившееся на лице с тех пор, как они с Джоной стали парой. Клаудия, закатив глаза, вернулась к бумагам.

– Клод, ты можешь обо всем рассказать мне. Мы давно дружим, и ты знаешь, что можешь поделиться со мной.

Клаудия посмотрела снизу вверх. Эйвери заговорила с заметным американским акцентом, что происходило всякий раз, когда она волновалась. Но стремление охватить все сразу вынудило Клаудию стать серьезной, не отвлекаться на флиртовые девичьи разговоры. Она не была уверена, что

сможет сказать: «Ну, знаешь, Эйвери, несколько дней назад Люк во сне меня лапал, я сексуально озабочена, и я или умру от этого, или брошусь на первого встречного парня, который войдет в эту дверь».

Она не может это озвучить, как выразить свои желания, когда мир вокруг нее летит в ад, и есть вещи важнее.

Вошел Джона. Эйвери просияла.

– Я знаю, Эйвери. – Клаудия улыбнулась своей лучшей в мире подруге. – Знаю. Просто у меня слишком много дел.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Позже. – Она постучала ручкой по планам курорта. – Потом.

Но тут вклинился Джона:

– Где тут освежающие напитки, женщины?

– Я только что хотела организовать напитки для работников, – сказала Эйвери.

Клаудия рассеянно кивнула:

– Ладно. Увидимся позже.

Она посмотрела вслед Эйвери, направившейся к Джоне и заулыбавшейся, когда тот обнял ее и запечатлел на губах любимой весьма откровенный поцелуй. Клаудия отвела взгляд.

В сторону. К бассейну.

Люк подплыл к боковой стороне спиной к ней. Вода стекала с волос на плечи и обрисовывала мускулы на спине. Для офисного работника он в прекрасной форме. Одним плавным движением он подтянулся и сел на бортик. Клаудия впи-

лась глазами в его широкую грудь.

Ах, эти твердые мышцы, плоский живот и четкая дорожка волос, стрелкой спускавшаяся от пупка!

Прежде чем она проследила до конца, Люк отвернулся, отжался и снова выпрямился.

Ее взгляд приник к его ногам. Слегка волосатым, с крепкими стройными икрами. Мокрые шорты облегли все опасные места, подчеркивая то, что она всего несколько дней назад ощущала так близко и явно.

Внезапно во рту пересохло. В этот момент он поднял глаза, и вдруг оказалось, что она смотрит на него. В упор. В глаза, которые, несмотря на расстояние и стеклянную стену, казалось, заглядывали ей прямо в душу. Сердце чуть не вылетело из груди. Во рту стало еще суше.

У него был открытый взгляд, но она сразу поняла: он знает о ее интересе к себе. Хотелось спрятаться под стол, скрыться от его взгляда, но тут он провел ладонью по животу и груди. Она не отрываясь беспомощно следила за его движениями.

Он помахал ей, приглашая присоединиться. Помогите Господи, она было решилась. *Полнейшее сумасшествие.*

Но зазвонил телефон, удержав ее на самом краю пропасти, словно это был последний спасательный жилет на тонущем корабле, взяла трубку и помахала в его сторону, едва сдерживаясь, чтобы не поцеловать ее.

Он смерил ее долгим тяжелым взглядом, пожал плечами и кивнул. Она с облегчением отвернулась, перевела дух и от-

ветила в своей обычной веселой манере, которую растеряла, витая в мечтах из-за полуголого Люка.

Вот уж правда, Капитан Сексуальные трусы.

Позднее вечером, почти полностью завершив расчистку, Клаудия устроила для всех волонтеров импровизированный гавайский праздник на пляже. До того как курорт был разнесен в щепки, такие мероприятия проводились каждую субботу. Это была одна из самых популярных у семейных клиентов и местных жителей Лунной бухты тематических вечеринок.

Конечно же сейчас он и отдаленно не напоминал былые праздники. Не было ни барабанов, ни четырехструнных укулеле, не было обычных блюд, правда, не было и двух сотен гостей. Пригласили около десяти человек, и они довольствовались свежими морепродуктами и несколькими видами прохладительных напитков, зато оказалось вдоволь дров для большого костра, заметного, наверное, даже из космоса.

Джону попросили наловить рыбы. Тони, шеф-повар, приготовил ее с удивительным гарниром из риса и кокосового молока, добавив горячий свежееиспеченный хлеб. Эйвери раскопала гавайские гирлянды цветов и диски с гавайской музыкой.

Клаудия надела униформу, нацепила на лицо улыбку и превратилась в веселую щебетунью, которую все знали и любили. Она была обязана отблагодарить людей, работавших

по доброй воле, от всего сердца.

Как было хорошо сидеть, слушать разговоры и шум океана. И ничего не делать. Похоже, первый раз за неделю она вот так сидела и ничего не делала.

Клаудия закопала ноги в песок, наслаждаясь благодатной прохладой. Халл, гигантский охотничий пес Джоны, повалился без сил рядом с ней.

Она покачала головой, разминая болевшие мышцы. Растерла левую сторону рукой и вздрогнула от боли в указательном пальце. Она посмотрела на руки. От недели тяжелой работы они были не в лучшей форме, на ладони несколько мозолей разной степени заживления, кожа огрубела и шелушилась.

Она бы все отдала за день в каком-нибудь модном спа.

Сделать расслабляющий массаж, педикюр. Посидеть в сауне и не выходить из ванны полдня. Может, сделать скраб на все тело.

Смех вывел ее из мира фантазий, она улыбнулась, увидев, как Сайрус и Айсис лихо исполняют хула – национальный гавайский танец. Джона в шортах для серфинга и Эйвери в оранжевом бикини и такого же цвета саронге, закрепленном низко на бедрах, танцевали еще сексуальнее в тени поодаль, растворяясь друг в друге.

Приступ зависти больно ударил Клаудию в грудь.

– Они хорошо смотрятся вместе.

Она подняла голову и увидела Люка. Он тоже был в шор-

тах, на этот раз, слава богу, в сухих. Грудь прикрывала форменная футболка.

– Да, хорошо. – Она изо всех сил надеялась, что эти слова не прозвучали визгливо, как ей показалось.

Стало легче, когда он отвел взгляд, протягивая ей бутылку ледяного пива. Она взяла ее с благодарностью. Он шагнул к бревну и плюхнулся рядом.

Клаудия подвинулась, чтобы дать ему больше места.

Или чтобы увеличить расстояние.

Она посмотрела на огонь, который из пылающего адского пламени превратился в скучно потрескивающий костерок. Некоторое время они молча пили пиво. Потом Люк заговорил, словно его поддразнивали чертики из костра.

– Я надеялся, ты присоединишься ко мне в бассейне сегодня. Как в старые добрые времена.

Клаудия не отводила глаз от пламени. Надеялся? Наверняка после сонных объятий он знал, что они могут зайти дальше невинных детских игр. Даже через оконное стекло она чувствовала его притяжение, ощущала его, как ни одного другого мужчину.

– В последнее время я нечасто купаюсь, – отговорилась она.

– Что, даже в океане?

– Некогда.

– Как не стыдно. Кажется, припоминаю, в бикини ты выглядишь неплохо.

Клаудия смутилась, пульс бешено колотился в унисон с треском пламени, когда она взглянула на него. Что ответить? Может быть, лучше просто сказать: «Не флиртуй со мной».

– Я оставила бикини Эйвери. В данный момент нужно столько всего сделать, нет времени плескаться в водичке.

Люку не понравилась отговорка.

– Расчистка в основном закончена. Уверен, ты можешь найти время быстренько искупаться гольшом.

Клаудия чуть не подавилась пивом и с ужасом посмотрела на него снова. Увидев ее возмущение, он расхохотался, потом подмигнул:

– Я ни на что не намекаю.

Она, прищурившись, посмотрела на него, прикидывая, сколько пива он уже выпил. Может быть, сказываются последствия перелета?

В любом случае она решила не обращать внимания на его комментарии и на то, куда он хочет завести их беседу.

– Снаружи почти закончили, но до завершения еще далеко.

Подсаживаясь к ней, Люк надеялся, что она хоть немного расслабилась, как все вокруг.

Но нет.

– И что дальше?

– Вернусь к планшету. Попытаюсь выяснить, что смогу сделать с собранными деньгами.

– Их хватит, чтобы покрыть все расходы?

Клаудия покачала головой:

– Двадцать лет назад хватило бы, но не сегодня. Черт, может, их и хватило бы на обычный ураган.

– Хочешь поговорить о том, куда мы пойдём дальше?

– Я не веду дел с консорциумами или гигантскими гостиничными сетями, Люк.

Он не мог понять, почему так горят ее глаза: из-за внезапного желания быстрее уйти или от костра.

– Если перестанешь подкалывать меня, мы могли бы продолжить.

Люк знал: важно оставаться спокойным и дружелюбным, но неделя была слишком изматывающей, чтобы тратить силы на споры.

– Ладно, что мы будем делать? – примиряющим тоном произнес Люк.

– «Тропикане» уже сорок лет. Наши родители управляли курортом вместе все эти годы. И так будет впредь.

– Вместе с номерами в стиле маори, вечерами сальсы и гавайскими цветочными гирляндами?

Люк чувствовал ее враждебный взгляд, стреляющий пулями неодобрения прямо ему в грудь.

– Да. А что не так с этими вечерами? Вероятно, для Мистера Высокопоставленного рекламного деятеля они не слишком интеллектуальны, но «Тропикана» всегда была семейным курортом, так хотели родители.

– А ты, Клод? Что хочешь *ты*?

Клаудия нахмурилась. Куда девался мужчина, который поддразнивал ее по поводу бикини? Смотрел на нее, как тогда в бассейне, будто хотел понять, что у нее в душе. И это, как и тогда, тревожило ее.

– Что ты имеешь в виду?

– Хочу знать: если бы тебе дали бездонную бочку денег и сказали, что ты можешь построить все, что захочешь, что бы ты построила? Не то, что хотели наши родители, не то, что хотели городские власти, не то, что здесь всегда было, а что ты, Клаудия Девис, хотела бы?

Люк внимательно смотрел на нее. Она хотела ответить, но передумала. Пряди светлых волос выбились из конского хвоста, океанский бриз нежно задувал их ей в лицо.

Она покусывала нижнюю губу, подыскивая ответ, словно он попросил сформулировать в десяти словах, в чем смысл жизни. Пламя костра мерцало в ее глазах, и его взгляд переходил от ее губ к огню, а вокруг шумел прибой, раздавался смех и звучала гавайская музыка.

Он пил пиво и тихо ждал, когда она соберется с мыслями. Неужели это такой трудный вопрос?

Клаудия не знала ответа. Она свыклась с мнением родителей, и оно стало ее собственным. Ей нравился несколько нарочитый стиль ретро, рассчитанный на внешний эффект. Но *этого* ли хотела она?

Чего бы хотела она?

Она снова рассеянно потерла шею, и натруженные мышцы

болезненно откликнулись.

– Комплекс спа, – сказала она, подчиняясь внезапному порыву. – Место, где люди могли бы понежиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.